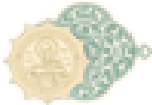

Протоіерей А. И. Маляревскій. Религіозное воспитаніе въ семьѣ. Спб. 1899.

Брошюра эта представляет XVIII-й выпускъ обширнаго изданія: „Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія“, предпринятаго подъ редакцію Н. О. Каптерева „Родительскимъ кружкомъ“ въ Петербургѣ. Издатели поставили для себя широкую и весьма важную задачу.

Глубокое жизненное значеніе правильной постановки семейнаго воспитанія съ одной стороны и отсутствіе твердыхъ, ясно выраженныхъ, руководящихъ указаній для него съ другой побудили многихъ, интересующихся этимъ дѣломъ—родителей, педагоговъ и врачей—образовать общество для совѣстнаго обсужденія вопросовъ семейнаго воспитанія. Такъ возникъ въ Петербургѣ около 15 лѣтъ назадъ „Родительскій кружокъ“. За время своего существованія „Кружокъ“ немало потрудился надъ уясненіемъ всѣхъ сторонъ семейнаго воспитанія. Многочисленне доклады, прочитанные и разобранные въ его собраніяхъ, а затѣмъ большею частію напечатанные въ различныхъ педагогическихъ и другихъ временныхъ изданіяхъ, принесли несомнѣнную пользу и самому обществу, и всѣмъ, имѣвшимъ случай ознакомиться съ ними въ печати. Но „Кружокъ“ этимъ не ограничился. Разбросанность рефератовъ на значительномъ протяженіи времени и мѣста, а также разрозненность ихъ, отсутствіе въ нихъ одного объединяющаго начала, неполнота объслѣдованія воп-

росовъ и многогорые другіе недочеты ясно говорили о неудовлетворительности этой работы. И вотъ, въ „Кружкѣ“ возникаетъ мысль, неосуществленная еще и на родинѣ педагоги — въ Германію, издать цѣлую энциклопедію семейнаго воспитанія и обученія: „въ рядѣ брошюръ, вполне общедоступно написанныхъ, объединенныхъ и проникнутыхъ опредѣленными основными идеями и началами, изложить все, сколько нибудь важное и существенное, что наука и педагогическая практика представляютъ въ настоящее время по части семейнаго воспитанія дѣтей“ (в. 1, стр. XI—XII). Этимъ обширнымъ изданіемъ (всѣхъ выпусковъ въ программѣ намѣчено 81), имѣющимъ представить не отдѣльные разрозненные педагогическіе рецепты, а систематическое раскрытіе, на основаніи опредѣленныхъ началъ, педагогическихъ вопросовъ касательно всѣхъ сторонъ сложнаго семейно-воспитательнаго дѣла, предполагается помочь родителямъ не только въ ихъ педагогической практикѣ, но и въ образованіи ими общаго правильнаго „педагогическаго міровоззрѣнія“.

Сложная задача эта, насколько можно судить на основаніи вышедшихъ уже брошюръ, выполняется издателями весьма добросовѣстно: даются обстоятельные отвѣты по самымъ разнообразнымъ вопросамъ — не только принципиальнаго характера, какъ — „задачи и основы семейнаго воспитанія“ (в. 1), „о природѣ дѣтей“ (в. XVII), „наслѣдственность“ (в. IX), но и на вопросы частнѣйшіе, какъ — „нормальная дѣтская“ (в. XIV), „игрушки, ихъ назначеніе и выборъ“ (в. XIII), „уходъ за зубами“ (в. XVI), „искривленіе позвоночника“ (в. XV) и др. Такая вообще широкая постановка дѣла, сердечное вниманіе къ вопросамъ самымъ детальнымъ, даетъ намъ право ожидать такого же отношенія въ частности и къ столь важной сторонѣ воспитанія, какою представляется въ сложномъ процессѣ развитія человѣческой личности и образованія нравственнаго характера ея сторона *религіозная*. Естественно ожидать возможно болѣе полного

анализа предмета: выясненія основъ его, детальнаго разсмотрѣнія всѣхъ сторонъ его и обстоятельныхъ отвѣтовъ на всѣ касающіеся его вопросы. Посмотримъ теперь, что представляетъ брошюра прот. А. П. Маляревского.

„Въ настоящемъ выпускѣ Энциклопедіи, говоритъ авторъ, мы имѣемъ въ виду предложить благосклонному вниманію читателей только то, чѣмъ можно пользоваться при воспитаніи дѣтей въ семьѣ, будемъ говорить о положительныхъ, принятыхъ нашею православною Церковію, средствахъ религіознаго воспитанія дѣтей первыхъ двухъ возрастовъ: самаго младшаго, приблизительно до 3 лѣтъ и средняго, отъ 3 до 7 лѣтъ“ (в. XVIII, стр. 5). Такъ скромно опредѣляетъ авторъ свою задачу и границы своего обзорѣнія. Въ его трактатѣ мы не найдемъ такимъ образомъ ничего, кромѣ указанія тѣхъ положительныхъ *средствъ*, какими можно пользоваться въ цѣляхъ религіознаго воспитанія дѣтей.

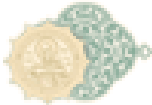
Слѣдуя своему дѣленію семилѣтняго возраста на двѣ половины; авторъ даетъ совѣты сначала относительно первой изъ нихъ. Какъ средства религіознаго воспитанія въ этомъ періодѣ рекомендуются—1) цѣлесообразная „внѣшняя обстановка“, подъ которою разумѣется икона съ горящею предъ нею лампадой, 2) „образъ жизни взрослыхъ, поскольку они соприкасаются съ дѣтьми“, т. е. примѣръ религіозныхъ родителей, 3) благоговѣйное осѣненіе дѣтей въ подходящихъ случаяхъ крестнымъ знаменіемъ, 4) посѣщеніе дѣтьми храма и богослуженій и 5) причащеніе ихъ Тѣломъ и Кровію Христовыми. Излагая свои мысли по второму пункту, авторъ говоритъ о недостаточности религіозной жизни самихъ родителей, какъ воспитательнаго средства: „у религіозныхъ родителей, случается, бываютъ крайне нерелигіозныя дѣти“ (стр. 9). Отсюда онъ считаетъ необходимымъ, чтобы въ образъ жизни взрослыхъ, окружающихъ дитя, были внесены „такія особенности поведенія, которыя бы содѣйствовали насажденію въ дѣтяхъ начатковъ вѣры и нравствен-

ности“ (стр. 10). Какъ важнѣйшая изъ такихъ особенностей, рекомендуется *молитва родителей о дѣтяхъ*, домашняя и церковная. Мысль автора представляется не вполне ясною для читателя: почему указываетъ онъ именно здѣсь на такую молитву? Въ какое *отношеніе* ставить онъ ее къ религиозному развитію дѣтей посредствомъ примѣра религиозныхъ родителей? Истинно-религиозные родители, конечно, будутъ молиться о своихъ дѣтяхъ: они привыкли прибѣгать къ молитвѣ и не въ такихъ важныхъ вопросахъ своей жизни. Что же собственно хотѣлъ сказать здѣсь авторъ, разъ онъ нашелъ нужнымъ нарочито рекомендовать имъ молитву о дѣтяхъ?

Перечисляя всѣ средства религиознаго воспитанія дѣтей младшаго возраста и рассматривая затѣмъ каждое изъ нихъ порознь, авторъ нигдѣ не говоритъ объ одномъ изъ нихъ, повидимому весьма важномъ. Разумѣемъ *дѣтскую молитву*. Очевидно, авторъ держится того убѣжденія, что до 3 лѣтъ дитя совершенно неспособно еще ни къ какой молитвѣ, даже самой элементарной. Но такъ-ли? Авторъ пространно говорить о важномъ значеніи въ религиозно-воспитательномъ смыслѣ посѣщеній малыши храма и богослуженій,—при чемъ значеніе это, должно сказать, доказывается по мѣстамъ общими отвлеченными разсужденіями, справедливыми въ приложеніи только къ взрослымъ, а не къ дѣтямъ (стр. 13—14). Послѣ картиннаго описанія поведенія въ храмѣ ребенка, соскучившагося продолжительнымъ стояніемъ на богослуженіи, авторъ дѣлаетъ оговорку о „*постепенно.иъ* увеличеніи срока пребыванія ребенка въ церкви“. Однако онъ все же стоитъ за то, чтобы уже въ первомъ періодѣ, до 3 лѣтъ, дитя приучалось присутствовать при богослуженіи въ храмѣ, къ 7 же годамъ оно должно уже привыкнуть „*выстаивать всѣ службы церковныя цѣликомъ*“ (стр. 15). Нельзя не отмѣтить непоследовательности автора, такъ требовательнаго въ этомъ отношеніи и столь осторожнаго въ вопросѣ о дѣт-

ской молитвѣ. Неужели дѣтской душѣ въ раннюю пору сознательной жизни ея, напр., на третьемъ году, совершенно недоступны никакія молитвенныя обращенія къ Богу, хотя бы въ самой простой формѣ, въ видѣ, напр., по дѣтски выраженной просьбы къ Богу о здоровьи отца, матери, братьевъ. собственномъ? Раньше, уясняя важное значеніе примѣра самихъ родителей, авторъ для доказательства рисуетъ картину молящейся матери и указываетъ на подражаніе ребенка всему тому, что дѣлаетъ при этомъ мать: и онъ становится на колѣни и „старательно водить рукою около своего лица“. „Замѣчательно, говоритъ авторъ, что не одну только внѣшность перенимаетъ при этомъ дитя отъ своей матери; оно входитъ, можно сказать, въ самый духъ материнской молитвы: навернулись, на примѣръ, слезы на глазахъ матери, — плачетъ и дитя; чувство радости, восторга, благодарности осѣнило лицо матери, тѣми же чувствами сіяетъ и лицо *молящагося* съ ней дитяти“ (стр. 9). Итакъ, и по признанію самого же автора дитя молится съ матерью. Почему же авторъ не счелъ нужнымъ остановиться на этой дѣтской молитвѣ, какъ важномъ средствѣ религіознаго воспитанія и въ первомъ періодѣ дѣтскаго развитія, и не далъ никакихъ указаній къ правильному пользованію имъ? Почему болѣе педагогично будетъ предоставить ребенку „водить рукою около лица“ и бессознательно подражать матери, вмѣсто того, чтобы научить его крестному знаменію и первой дѣтской молитвѣ?

Переходимъ ко второй половинѣ трактата, имѣющей предметомъ религіозное воспитаніе въ періодѣ отъ 3 до 7 лѣтъ. Для этого возраста религіозно-воспитательными средствами являются—1) „бесѣды, 2) молитва домашняя и церковная, 3) пѣніе духовное, 4) упражненія дѣтей въ дѣлахъ благочестія и 5) наставленіе ихъ отъ духовныхъ лицъ“ (стр. 16). Наиболѣе мѣста отводится вопросу о религіозно-воспитательныхъ бесѣдахъ съ дѣтьми: указываются отличительный характеръ ихъ и матеріалъ для нихъ, приводятся

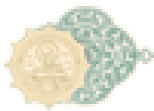

пояснительные примѣры такихъ бесѣдъ и предлагается „программа минимальныхъ свѣдѣній“ для нихъ. Приведенные примѣры не вездѣ можно назвать удачными. Напр., бесѣда блаж. Евфросиніи съ сыномъ своимъ, по исключительнымъ особенностямъ и времени, и цѣли, и другихъ обстоятельствъ, не можетъ быть рекомендуема какъ образецъ бесѣды матери съ малымъ ребенкомъ о самыхъ первыхъ, доступныхъ его пониманію предметахъ вѣры. „Разсужденія извѣстнаго у насъ богослова“, занявшія цѣлыхъ четыре страницы въ маленькой брошюрѣ о. Маляревскаго, также не представляютъ желательнаго примѣра такой бесѣды. Что касается программы бесѣдъ, предлагаемой авторомъ, то трудно признать въ ней „минимумъ“ свѣдѣній по религіознымъ вопросамъ, доступныхъ разсматриваемому возрасту. Здѣсь намѣчено очень много: и свойства Божія, „уяснить“ которія (задача весьма трудная и для взрослыхъ) нужно въ первыхъ же бесѣдахъ съ ребенкомъ, и главнѣйшія событія ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, и всѣ десять заповѣдей, и молитвы, и житія святыхъ, и почитаніе мощей и иконъ, и грѣхъ, и пути промысла Божія. Отчего не пожелать столь широкаго просвѣщенія христіанскимъ свѣтомъ дѣтской души уже въ этомъ раннемъ возрастѣ; но нельзя не справляться и съ силами этой души. Авторъ и самъ пространно говоритъ о вредѣ педантизма и поспѣшности въ этомъ дѣлѣ: ссылается на справедливья замѣчанія объ этомъ Пильца (?), указываетъ со словъ „одного составителя руководства“ (?) на ошибки тѣхъ благочестивыхъ матерей, которыя слишкомъ рано и слишкомъ много учатъ своихъ дѣтей о Богѣ, ссылается на авторитетъ Бѣлинскаго, приводя изъ него длинную выдержку, и вмѣстѣ съ тѣмъ—рекомендуетъ такой обширный „минимумъ“ вопросовъ для бесѣды.

Молитвѣ посвящается сравнительно мало вниманія: „указывать приемы разучиванія дѣтьми молитвъ“ авторъ „воздерживается“; о *церковной* молитвѣ, которую раньше называлъ

также въ числѣ религіозно-воспитательныхъ средствъ для этого возраста, ничего не говорить. Разсужденія автора (стр. 33) о раннемъ пробужденіи въ дѣтской душѣ, подъ вліяніемъ уже одного примѣра взрослыхъ, потребности молиться и о необходимости удовлетворенія ея были бы вполне умѣстны въ первомъ отдѣлѣ его статьи: они привели бы къ разсмотрѣнію молитвы, какъ религіозно-воспитательнаго средства и для перваго младшаго возраста.

Въ вопросѣ объ участіи дѣтей въ исполненіи уставовъ и обычаевъ церкви авторъ какъ будто забываетъ о томъ возрастѣ, который долженъ имѣть въ виду. И здѣсь обозначается программа слишкомъ широкая, дѣтскимъ силамъ едва ли доступная: „болѣе раннее вставаніе дѣтей для молитвенныхъ бдѣній въ нѣкоторые дни года (страстная суббота, праздникъ Пасхи, раннія службы въ воскресные и праздничные дни), земные поклоны, посты, говѣніе предъ исповѣдью и причащеніемъ Св. Таинъ, воздержаніе отъ пищи и питія въ воскресные и праздничные дни до окончанія, по крайней мѣрѣ, ранней литургіи, постъ наканунѣ Крещенія Господня до принятія св. Богоявленской воды, постъ на страстной недѣлѣ въ Великій пятокъ въ теченіе цѣлаго дня или, по крайней мѣрѣ, до выноса плащаницы, хожденіе на поклоненіе святынямъ“ (стр. 38—39). По словамъ автора, дитя должно и можетъ (до семи лѣтъ?) „навыкнуть обуздывать самого себя, подчинять свои низшія потребности высшимъ и свою волю Божественному авторитету“..., „пріобрѣсть христіанское настроеніе, мужество и твердость въ подвигахъ добродѣтели“... Наградой за соблюденіе уставовъ церкви оно будетъ имѣть высшее утѣшеніе: „молитвенное умиленіе, чувство душевнаго мира и при тѣлесномъ утомленіи послѣ продолжительныхъ богослуженій, радость послѣ пріобщенія Св. Таинъ“... Дитя не только „опытно получить познаніе объ иной, лучшей жизни, чѣмъ наша земная“, но даже—„почувствуетъ влеченіе къ этой жизни, соединяющееся съ *охлажденіемъ къ*

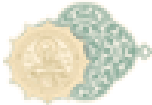

чувственности и, живя на землѣ достойно своего христіанскаго званія, будетъ способнымъ къ правильному духовному совершенствованію въ будущей блаженной жизни“ (стр. 39). Въ этихъ строкахъ почтеннаго автора мы видимъ высокую идеализацію предмета, идеализацію, вполне понятную въ устахъ добраго пастыря, цѣлью жизни и дѣятельности своей поставившаго направленіе челоуѣческихъ душъ къ христіанскому совершенствованію и спасенію, но увы, не отвѣчающую обычнымъ неизбѣжнымъ условіямъ дѣйствительности: естественнымъ законамъ жизни и развитія еще слишкомъ юной дѣтской души, еще очень слабымъ проявленіямъ въ ней началъ высшихъ, способныхъ побѣдить сильныя низшія влеченія. Осуществить то, о чемъ говоритъ авторъ, въ пору лучшимъ и хорошо направленнымъ силамъ взрослого челоуѣка. Между тѣмъ, въ своей идеализаціи авторъ готовъ видѣть въ маломъ ребенкѣ способность даже къ тому, чтобы прирожденные ему потребность и чувство *красоты* находили удовлетвореніе для себя въ предметахъ божественныхъ: „въ молитвѣ, въ чтеніи священныхъ изреченій и книгъ, въ пѣніи псалмовъ и религіозныхъ пѣснопѣній...“ (стр. 40). Такихъ результатовъ едва ли можно было бы достигъ даже при исключительно благопріятныхъ для этого условіяхъ.

Предостерегая родителей отъ возможныхъ въ религіозномъ воспитаніи ошибокъ, въ смыслѣ направленія и развитія дѣтскаго религіознаго чувства, авторъ противъ религіознаго „сентиментализма“ рекомендуетъ такое средство: „для предупрежденія его необходимо заботиться о томъ, чтобы питомецъ не только боялся Бога, но и простодушно, по-дѣтски любилъ Его, не только надѣялся на Него, но и благоговѣйно и безкорыстно почиталъ Его, не только молился предъ Нимъ, но и мужественно стремился къ исполненію всѣхъ Его заповѣдей“ (стр. 41). Мы не знаемъ, что собственно разумѣетъ авторъ подъ религіознымъ сентиментализмомъ; по обыкновенному же пониманію это такое ложное направленіе рели-

гіознаго чувства, при которомъ послѣднее постоянно витаесть въ области только отвлеченныхъ мечтаній, въ сферѣ беспочвенныхъ и безплодныхъ построений воображенія, не переходя въ жизнь человѣка, не давая здоровыхъ христіанскихъ началъ для его поведенія. Но для предупрежденія такого болѣзненнаго явленія въ области религіозной жизни человѣка не все предлагаемое авторомъ можно признать цѣлесообразнымъ. Любовь къ Богу, хотя бы и простодушная. дѣтская, и почитаніе Его, благоговѣйное и безкорыстное, не гарантируютъ отъ такого религіознаго сентиментализма: и въ любви и въ почитаніи можно быть только сентименталистомъ мечтателемъ. Нужна тѣсная связь религіозной вѣры съ жизнью и дѣятельностію человѣка; нужно сдѣлать эту вѣру дѣятельною, потому что безъ дѣлъ она *мертва* (Іак. II, 17); а для этого уже въ періодѣ воспитанія необходимо открывать уму питомца сферу обязанностей, вытекающихъ изъ началъ христіанской религіи, какъ заповѣди Господа Іисуса Христа и уставы церкви, и привлекать его волю къ дѣятельному участию въ исполненіи ихъ. На это указываетъ и авторъ, и изъ трехъ положеній его можно согласиться только именно съ этимъ послѣднимъ.

Наконецъ, авторъ предостерегаетъ родителей и отъ такой ошибки въ религіозномъ воспитаніи, благодаря которой у питомцевъ можетъ развиваться религіозная нетерпимость. Какъ средство противъ послѣдней рекомендується, чтобы „родители не столько вдавались съ дѣтьми въ указаніе различій въ религіозномъ ученіи разныхъ христіанскихъ исповѣданій и въ рѣшеніе запутанныхъ богословскихъ споровъ, сколько возбуждали въ нихъ сочувствіе къ религіи и сознаніе того, что религія есть самое высшее достояніе и благо человѣка“ (стр. 42)... О какихъ родителяхъ и о какихъ дѣтяхъ говоритъ здѣсь авторъ? Мы никакъ не можемъ представить себѣ ни такихъ родителей, которые отважились бы трактовать семилѣтнимъ дѣтямъ своимъ о конфессіональныхъ

разностяхъ въ христіанской религіи и рѣшать съ ними запутанные богословскіе споры, ни такихъ феноменальныхъ дѣтей, которыя были бы въ состояніи внимать всѣмъ этимъ бесѣдамъ своихъ родителей.

Таково несложное содержаніе брошюры. Свои пастырски-педагогическіе совѣты авторъ пересыпаетъ немалымъ количествомъ то краткихъ замѣчаній, то и длинныхъ выдержекъ изъ различныхъ произведеній духовной и свѣтской литературы. Вставки эти, то иллюстрирующія, то яко-бы подтверждающія мысль автора вѣскимъ словомъ того или другого авторитета, нельзя признать вездѣ цѣлесообразными: есть между ними и неудачныя, и просто излишнія. Нельзя не отмѣтить при этомъ и такой особенности автора: въ очень немногихъ мѣстахъ онъ даетъ указанія, откуда именно взяты имъ приводимыя слова, большею же частію предпочитаетъ оставлять читателя или въ полномъ невѣденіи, или въ какомъ нибудь смутномъ предположеніи: „пишетъ одинъ епископъ“ (стр. 12). „приведемъ разсужденія извѣстнаго у насъ богослова“ (стр. 21), „пишетъ одинъ высокочтимый отецъ“ (стр. 34) и т. д. Очевидно, авторъ или вообще заклятый врагъ точной цитатіи, или считаетъ таковую совершенно излишнею въ „Энциклопедіи семейнаго воспитанія“. Но въ такомъ случаѣ на какой же кругъ читателей онъ рассчитываетъ?

Въ общемъ, задачу свою почтенный авторъ выполнилъ добросовѣстно: старательно указалъ родителямъ положительныя средства религіознаго воспитанія дѣтей ихъ въ семьѣ, заботливо входя съ своими совѣтами иногда даже въ самыя мелкія детали предмета, въ область общеизвѣстнаго (напр., стр. 7, примѣч.). Но какъ смотрѣть на самую постановку вопроса о религіозномъ воспитаніи въ разсматриваемой брошюрѣ? Здѣсь дано почти только одно указаніе средствъ религіознаго воспитанія съ кой-какими (и то не вездѣ) разсужденіями, большею частію лишь общаго наставительнаго

характера. Несомнѣнно, что и въ такой формѣ брошюра не лишена своей доли значенія: будучи прочтена родителями, она даетъ имъ нѣкоторые добрые совѣты по своему вопросу. Но такихъ брошюръ немало въ нашей литературѣ, и эта ничего не прибавляетъ къ содержанію ихъ. Если бы она была лишь статьею въ какомъ нибудь журналѣ или изданіемъ самого автора, на нее мы не считали бы нужнымъ и обращать серьезное вниманіе; но являясь въ печати въ формѣ одного изъ выпусковъ „Энциклопедіи семейнаго воспитанія“, изданія, еще только начатаго и намѣтившаго для себя такія широкія задачи, брошюра эта требуетъ другого отношенія къ себѣ. Вотъ почему, съ полною готовностію отвѣчая желанію и нарочитой просьбѣ самихъ почтенныхъ издателей, мы остановились на содержаніи ея. И къ сказанному считаемъ нужнымъ добавить еще слѣдующее.

Мы не знаемъ, какъ поставленъ этотъ XVIII-й выпускъ въ программѣ всего изданія „Энциклопедіи“. Находитъ ли его редакція достаточнымъ отвѣтомъ на всѣ вопросы, касающіеся семейно-религіознаго воспитанія, т. е. считаетъ ли этотъ отдѣлъ своей энциклопедіи уже законченнымъ, или же это только *часть* того, что намѣчено издать по этому отдѣлу? Знакомство съ содержаніемъ брошюры прот. Маляревскаго не дозволяетъ намъ предположить первое: въ брошюрѣ этой мы не находимъ даже попытки взглянуть въ разсматриваемый предметъ глубже. Столь важная сторона воспитательнаго дѣла остается безъ всякаго принципиальнаго уясненія. Значеніе правильнаго развитія религіозной области въ дѣтской душѣ, отношеніе ея къ другимъ сторонамъ духовной жизни и особенно къ сферѣ моральной, возможный психологическій анализъ развитія ея, отсюда уже соотвѣствующее разсмотрѣніе и оцѣнка обычныхъ средствъ, которыми пользуются при религіозномъ воспитаніи,—ничего этого еще нѣтъ въ 18-мъ выпускѣ „Энциклопедіи“. Изъ этого нельзя ставить въ вину составителю брошюры: его задача была

другая. Но широкая программа изданія и тщательное выполнение ея въ другихъ отдѣлахъ даютъ намъ полное право надѣяться, что редакція не ограничится однимъ этимъ выпускомъ и въ отдѣлѣ религіознаго воспитанія. Такъ обстоятельно трактуя объ уходѣ за зубами, о дѣтскихъ игрушкахъ, объ искривленіи позвоночника и проч., „Энциклопедія“ должна надлежащимъ образомъ уяснить родителямъ и опасность искривленія всей души человѣка при неправильномъ воспитаніи въ ней религіозныхъ началъ или хотя бы при недостаточномъ вниманіи къ нимъ. Высокая цѣль изданія - стремленіе помочь родителямъ выработать правильное педагогическое міровоззрѣніе само по себѣ ясно показываетъ необходимость самаго серьезнаго отношенія его къ вопросу именно о религіозномъ воспитаніи: безъ этого всѣ мечты о правильномъ педагогическомъ міровоззрѣніи окажутся тщетными.

Н. Маккавейскій.

